

Кирилл

КАЗАНЦЕВ

ВОРОВСКАЯ ЛЮБОВЬ

РОМАН
СТРОГОГО РЕЖИМА

Воровская любовь

Кирилл Казанцев

Роман строгого режима

«ЭКСМО»

2013

Казанцев К.

Роман строгого режима / К. Казанцев — «Эксмо»,
2013 — (Воровская любовь)

ISBN 978-5-699-65511-3

Алтайскому олигарху приглянулся небольшой конезавод, и он решил его купить. Но хозяин конезавода Алексей Корчагин продавать предприятие отказался. С этого дня его жизнь превратилась в настоящий кошмар. Сначала коннозаводчика пытались запугать старыми, дедовскими методами: прокололи колеса автомобиля, пригрозили расправой. Потом подручные олигарха перешли к более решительным действиям – организовали несколько нападений на Корчагина и его близких. Когда и это не дало результата, олигарх решил коннозаводчика упрятать за решетку. Надолго. Он разработал хитроумный план «подставы», главную роль в которой отвел невесте Корчагина – Лиде...

ISBN 978-5-699-65511-3

© Казанцев К., 2013

© Эксмо, 2013

Кирилл Казанцев

Роман строгого режима

«Где та молодая шпана, что сотрет нас с лица земли?»

Б. Гребеничиков

Сон был ни к селу ни к городу. Жуткое пламя охватило конюшню, взбудораженные лошади вырывались наружу, ломая перегородки. Ветер разносил огонь, перебрасывая его на племенных жеребцов... Вспыхивали гривы, хвосты – огненные кометы металась по опушке, оглашая пространство тоскливым ржанием. А у него вдруг отказали все конечности и голова – он стоял, как бронзовый идол, смотрел на все это и не мог определиться. Выплыло из тьмы и закачалось перед глазами бледное личико Лиды Холодовой – уродливая маска какого-то погорелого театра. Что это с ней? Это точно сон?..

Судорога впиалась в мышцу. Алексей Корчагин чуть не подпрыгнул, затряс ногой. Сон в руку? Скорее в ногу, так его растак... Он лежал, неловко извернувшись, в какой-то узкой расщелине. Острый камень упирался в бедро, «высверливая» в нем лунку. Все в порядке, боль отступала, и наваждение рассасывалось. Он уснул на пару минут, время детское: сорок минут пополуночи. Над головой – ночное небо, испещренное крапинками звезд, луна сияла, как прожектор. Четверо друзей окопались на склоне, усеянном обломками скал. За бруствером из крапчатого гранита тянулась каменистая тропа – она петляла по дну перевала, ныряла во тьму. Напротив – помпезные отроги Турочанского хребта, величавые скалы, расставленные в шахматном порядке, обрывистые, причудливые. Справа пропасть – лучше не смотреть, высота офигенная, но можно и взглянуть, чтобы избавиться от прилипчивой сонливости: Алексей подался вправо, перевалился через косогор. Картина открылась нереальная, даже ночью все видно, как днем. Под кручей распростерлась живописная долина. Предгорья сглаживались, за выющейся змейкой Баратынкой виднелись шапки хвойного леса. А далее начинался родной Аргабаш – поселок городского типа, районный центр на северо-востоке Горного Алтая, равномерно разбросанный по всей долине. Пятнадцать тысяч душ, райский уголок, лучшее место на планете... А за городом поблескивало в лунном свете знаменитое озеро Алтын-Коль, вместилище идеально чистой пресной воды, излюбленное место паломничества туристов. Огромный водоем змеевидной формы, окруженный живописными горами – шириной до четырех километров, в длину – за семьдесят. В озеро втекали сотни ручейков и горных рек, а вытекала лишь одна – быстроходная Пия. Она неслась на север, через горы, напивалась водами впадающих в нее потоков и через триста километров превращалась в великую сибирскую реку, насквозь прорезающую страну...

– Леха, ты чего там шуршишь? – прошептал Антон Вертковский, зарывшийся в соседнюю расщелину.

– В гранит решил отлить, – сострил Коптелый.

– Не спится что-то, пацаны, – шепнул Корчагин, ползком возвращаясь на место. – Дышу вот, наслаждаюсь...

– Ага, экология тут прикольная, – согласился Коптелый. – Хоть задышишься...

– Не экология, а природа, – возразил рассудительный и начитанный Антон. – Экология – это там, где заводы и машины... Надоела, пацаны, эта ваша природа. Ненавижу ждать, сорок минут уже прошло. Все кости отлежал, всякая хрень в голову лезет. Это муторнее, чем одеяло в пододеяльник запихивать, блин...

За друзей Алексей был спокоен – будут ждать и день и ночь. Все свои, друг за друга горой, четыре мушкетера нервно курят со своим «один за всех...». Всем по двадцать три, неразлейвода еще со школы, сколько раз вытаскивали друг друга из неприятностей. Все остались в Аргабаше, никто не уехал за лучшей жизнью. Разве что сам Алексей пытался осво-

ить премудрую науку управления народным хозяйством в Новосибирске, но проучился три семестра, ошалел от скуки, бросил, отслужил в Юрге и вернулся на историческую родину, зарекась раз и навсегда расставаться с отчим домом. Зачем ему высшее образование? Был бы мозг, а знания и умения приложатся. Шура Коптелый (фамилия – лучше любого погоняла) – рябой, корноухий, вылитый гриб-сморчок, но жилистый, резкий, с толковой головой – работал автомехаником в Аргабахе и тоже не помышлял о лучшей доле. Антон Вертковский – здравомыслящий, подтянутый, армейку отслужил в Кремлевском полку (за что и заслужил логичную погребуху Фрунт), единственный женатый из всей компании – трудился в частной охранной фирме, неплохо зарабатывал. Вовка Струве – внешне нескладный, с рыбьим лицом и выпуклыми глазами, носил по жизни кличку Рыба и усердно пытался добиться успехов на ниве оптово-розничной торговли, являясь совладельцем мелкой посреднической конторы. И уже понимал, что коммерция – не его, лучше бы пошел в маститые писатели...

– Эй, пацаны, а Рыба-то где? – встрепенулся Алексей, обнаружив отсутствие товарища.

– Ну, ты сразил, Леха, – ухмыльнулся Антон. – На разведку пошел, ты же сам его отправил.

– Сон неудачный приснился – и память отшибло, – посочувствовал Коптелый. – Вспоминай, Леха, ты должен это сделать...

С памятью действительно творилось что-то неладное. И предчувствия были соответствующие. Но он гнал их из головы, старался не думать о неприятностях. Делай, что должен, и пошло оно все... Покатился камень, что-то чиркнуло, и гранитная глыба, заслонившая тропу, исторгла человеческое тело. Озаренное мерцанием, оно перепрыгнуло через канаву и уже карабкалось на склон – немного нескладное, но мобильное и достаточно устойчивое к колебаниям. Через минуту Вовка Струве, пыхтящий, как паровой котел, уже перевалился за косогор к друзьям.

– В натуре, Леха, они идут, не соврал твой доносчик... – зашептал он вдохновенно. – Трое их, навьюченные лошади, и Ракович, поганец, там точно за главного...

– Отлично, пацаны, подползаем, но чтобы не светиться. Сделаем этим гадам тюнинг с рестайлингом... Чего это у тебя, Коптелый? – он покосился на Шуру, который с плотоядным урчанием извлекал из заплечной сумки дубинку, оказавшуюся в лунном свете бейсбольной битой.

– Спецсредство, не видишь?

Сердце колотилось, как надорванное. Организм уже хапнул дозу адреналина. Значит, не пустой был звон... Алексей получил сигнал еще днем: шепнул бухгалтер его конторы, делая страшные глаза – мол, конюшенный работник Ракович проворачивает дела у работодателя за спиной. Причем темнил неоднократно – заимствует на ночь лошадок и что-то тащит на них за перевал. А Леха об этом ни слухом ни духом. А сегодня бухгалтер подслушал разговор Раковича по телефону, сделал выводы. Давно не нравился Алексею этот тип – смутный, без внятной биографии, молчун, себе на уме. Но с обязанностями справлялся, с лошадьми ладил, не поднималась рука избавиться от старательного работника. Ничего, мы еще посмотрим, что они там тащат – хотя он, кажется, догадывался...

От напряжения звенело в ушах. Друзья подползали к тропе, каждый выискивал себе укрытие. Ждали, подобравшись, помалкивали. Волнующий момент – еще не так азартно, но адреналин уже поступает...

– Жесткач, мля... – зачарованно вымолвил Коптелый. – Аж душа вибрирует, а еще ночь такая лунная, словно смотрит кто-то с неба... Слушай, Леха, а как узнать, есть ли бог?

– Умереть, блин, – буркнул Алексей. – Там и узнаешь. Шептало закрой, Коптелый, спать мешаешь...

Фыркали лошади, скрипели камни под ногами людей и копытами животных. Из-за глыбы, висящей над тропой, выбирался «караван». Лошади тащили мешки, переброшенные через

крупы. Люди вели их за узды, то и дело сбиваясь с тропы, спотыкаясь, переругиваясь. Корчагин закричал зубами – он узнал лошадей из своего хозяйства: Бурана, Тихоню, каурю Метелицу – трехлетнюю смирную красавицу. А ведь еще терялся в догадках – почему у Метелицы все копыта сбиты, вроде не должны. А еще глаза такие грустные, бок ободран. Выходит, и сторожа в теме, иначе как бы они животных из конюшни выводили? Что же они делают, уроды?! Это ведь ездовые лошади – не упряжные, не тяжеловозные! Праведный гнев выбросил его из укрытия, когда люди и кони поравнялись с засадой. Возмущенно крича, он бросился в атаку – друзья за ним. Четверо парней слетели с горки и набросились на растерявшихся «караванщиков»! Те загорланили, бросили упряжь, заблестели в лунном свете ножи!

– Атас, братва!!! – надорванно голосил долговязый истерик. – Мочи их!!!

Шарахнулись, заржали кони. А противники уже схлестнулись. Не устоять вражинам, их меньше, да и дело у них заведомо неправое! Алексей отметил краем глаза, как Коптелый с восторженным воем перелетел через круп Бурана (циркач, блин), махнул бейсбольной битой. Звякнул «свинокоп», выпав из руки, завопила долговязая бестолочь. Мерцал перед глазами коренастый тип – практически бритый, в кожаной безрукавке, все предплечья исписаны «мастюхами»! Тот встал в хищную позу, ждал, перебрасывая нож из руки в руку. Алексей налетел, особо не планируя, знал, что получится. С такой-то злобой и чтобы не получилось?! Лезвие со свистом рассекло ночной воздух – действительно, какая экология, пардон, природа... Пригнулся, выбрасывая правое плечо, не до умных захватов и блоков – просто долбанул по корпусу, и крепыш полетел с тропы, совершив аварийную посадку в гуще каменной мелочи. Хер-рась! Долбанулся хребтиной, но нож не выпустил. А Леха развивал успех, подлетел, пинком выбил «свинокоп» из трясущейся руки, ушел от пятки, вознамерившейся проломить ему лодыжку, и рухнул всей массой на татуированного типа.

– В натуре, сука, падла... – хрипел тот, пытаясь вырваться из медвежьего захвата. Он запечатал Алексею по печени, отчего тот только разъярился и больше оппоненту спуску не давал. Он бил по небритой роже, по сверкающим глазам – бил до полного усвоения. Но вовремя остановился – убивать не стоило. «Контрабандист» хрипел, давясь обломками зубов, плевался кровью. Алексей скатился с него, схватил за шиворот и потащил на тропу, где бросил под ноги буланому Тихоне. Драка практически завершилась. Коптелый отбил бейсбольной битой долговязому весь ливер и как-то задумался, поигрывая свежеприобретенным ножом – не выпустить ли этому проходимцу все его двенадцать метров кишечника? Передумал, швырнул холодное оружие в пропасть и сверкнул белозубой улыбкой.

– А чё, я крут...

Лишь «вольнонаемный» Ракович не желал сдаваться. Он был скользкий, как рыба-угорь, верещал, как баба. Убегал от Вовки и Антона, метался по каменистой горке и голосил болотной выпью:

– Пацаны, вы что удумали, вы обалдели! Вас же уроют!!!

Но с точки зрения Вовки и Антона, их занятие было вполне достойным делом для пацанов. С сатанинским хохотом они носились за Раковичем, загоняли под козырек скалы, перебраться за который было трудно. Антон метнулся, чтобы схватить того за ноги, – не удалось, и Антон душевно треснулся грудиной. Ракович пятился на склон, из-под ног выскальзывали камешки, сыпалась глина. Он затравленно вертелся, выл на полную луну.

– Втеть ему, Вован! – возмущенно выкрикнул Антон, и Ракович проморгал – Вовка Струве оттолкнулся обеими пятками от выступа в скале, послал себя вперед, подсек предплечьем вражескую коленку изнутри и радостно закричал:

– Лови подачу!!! – когда противник не устоял на одной ноге и покатился, сотрясая внутренности...

Лошади сбились в кучу, встревоженно прядали ушами, но не разбегались, чуя, что законный хозяин где-то рядом. Избитых «контрабандистов» друзья сложили рядом и нависли над

ними дамокловыми мечами. Они плевались сгустками крови, стонали от боли. Долговязый дылда – физия характернее некуда, расписанный наколками крепыш, мутный Ракович – мужик под сорок с длинными обезьяньими руками и корявыми, изогнутыми наружу «задними» конечностями. Первые двое – определенно сиделые господа. Вечное проклятие райского уголка под названием Аргабаш. Неподалеку зона общего режима, многие ээки, отбарабанив срок, предпочитают не возвращаться «в Россию», а остаются здесь – обзаводятся хозяйством, семьей. Кто им запретит? Многие снова идут на дело, убывают обратно за колючку, кто-то завязывает с прошлым, кто-то мышкует, как эти двое, например. Не сказать, что городок Аргабаш погряз в криминальных элементах, но временами их присутствие было очень даже заметно...

Эти трое боялись подняться, отчетливо понимая, что их уже «сделали». Они сдавленно матерились сквозь уцелевшие зубы, елозили задницами по тропе. Поколотили их с душой – места живого на мужиках не осталось.

– Они лежали молча в ряд, – глубокомысленно изрек Антон Вертковский, созерцая поверженное войско.

– Трутся спиной медведи, – хохотнул Коптелый, поигрывая битой. – Красавцы, чтоб их... Таких и шлепнуть не жалко.

– Это точно, – согласился Вовка Струве. – Для охотников за органами они уже не представляют интереса.

– Вы кто такие, вашу мать... – прохрипел, потрескивая разбитой челюстью, любитель тату. – Чё это было, козлы?

– Древнее проклятие, господа, – охотно откликнулся Коптелый, приближаясь с битой – он был твердо убежден, что за козлов нужно отвечать.

– Ты бы поосторожнее с древними проклятиями, – на всякий случай предупредил Антон.

– Алексей Дмитриевич, что мы вам сделали? – простонал, держась за отбитые бока, Ракович. – Откуда вы взялись?

– С орбитальной станции «Мир» прыгнули, – объяснил Алексей. – Кстати, Ракович, я забыл тебе сказать, что ты уволен. Так что не обижайся.

Он подошел к лошадям, похлопал по бочине понурую Метелицу.

– Дурында ты, подруга. Как тебе не стыдно? На кого же ты работаешь? – Лошадь, словно почувствовав провинность, вздохнула пристыженно, спрятала глаза.

Он сбросил с круппа перевязанные веревкой мешки. Не очень тяжелые – стало быть, не золотые слитки, не оружие, не старинные испанские пиастры. Он высыпал содержимое мешка на тропу. Брикеты в целлофановой обертке размером с кирпич – не сказать что глухо спрессованные, но и не разваливались от падения. Он поднял один пакет, помял его пальцами, понюхал – брезгливо сморщился. Проверил другие мешки – везде одно и то же. Ненавидел он эти «продукты», превращающие людей в отбросы, ненавидел этот гнусный промысел и тех, кто им занимается...

– Мать моя женщина... – уважительно протянул Вовка Струве. – Сушеная конопля. Не поверите, я так и думал. А ведь ее тут неслабо, пацаны. Шесть мешков... это сколько же получается...

– Из Казахстана прут, – предположил Коптелый. – Или из Китая. Тут вроде недалеко. Леха, ты уверен, что ментам не надо сообщить?

– Не надо, – решительно возразил Алексей. – Без ментов разберемся. Западлю это – мы и так их кормим.

– Несколько этапов пересылки, – начал реконструировать преступную цепочку Антон Вертковский. – Дурь, возможно, и наша – из Чемарского, например, района. Там делянок – до едрени фени, а менты и чинуши однозначно в доле. До Аргабаша довозят на машине, а дальше нужно втихушку – по дорогам уже опасно, трасса, как ни крути, федеральная. Да и объезжать

долго. А через перевал – три часа работы, и ты уже в Алтышском районе, там передаешь по эстафете, а сам порожняком – обратно. Нехило твой работник калымит по ночам.

– Бывший работник, – проворчал Алексей, возвращаясь к «уволенному». Тот съезжился, смотрел каким-то прыгающим взором.

– Эй, мля, туристы в один конец... – начал проявлять признаки блатной жизни коренастый. Выбитые челюсти слушались плохо, но он старался. – Вы хоть соображаете, на кого вы пошли? Вы же покойники, мать вашу... А ну, живо вернули груз... – Он осмелел настолько, что начал приподниматься, хотя это было верхом неосторожности. Снова заныл Ракович, заскрипел долговязый, перемежая матерные слова блатным аргом.

– Дай ему наркоза, Леха, – устало сказал Вовка. – А то достали уже.

Алексей не заставил просить себя дважды. Сиделый треснулся затылком и подавился своим ограниченным лексиконом.

– Отремонтировали бестолковку, – непринужденно засмеялся Коптелый.

– Кто-нибудь еще пошевелится – убьем, – клятвенно пообещал Корчагин.

– А кого не убьем, того надкусает, – добавил Коптелый и вновь зашелся смехом.

«Не к добру веселимся», – мрачно подумал Алексей.

– Разроем помойку, Леха? – предложил Антон. – Ведь эти упыри не могут не знать, на кого они работают. Вы ведь в курсе, парни, да? – навис он над притихшей братвой. – Кто тут у нас в Аргабаше главный драгдилер?

– Послушайте, Алексей Дмитриевич... – захныкал Ракович, у которого синяки красовались под обоими глазами и красиво отливали в лунном свете. – Ну на хрена вы это делаете? Мы вас не трогали, так какого вы до нас докопались? Ну, виноват, позаимствовал ваших лошадей, но ничего им не сделается, утром будут в стойле как миленькие... Мы компенсируем потери, Алексей Дмитриевич... Что вы хотите делать? Вы даже не представляете, на кого вы пошли... Вас же в порошок сотрут, если товар не будет доставлен по адресу...

– А вас не сотрут? – хмыкнул Антон.

– Вот и объясни мне, Ракович, кто те люди, что сотрут нас в порошок? – процедил Алексей, сжимая кулаки и нависая над перепуганным работником. – На кого ты ищачишь, падла?

– Я не знаю, Алексей Дмитриевич... – заканючил Ракович. – Ей-богу, не знаю... Я ведь только шестерю, нам хозяев знать не положено... Но это очень большой и влиятельный человек...

– Ты нас коридором не води, гнида, – заводился Алексей. Он уже не видел ничего предосудительного в том, чтобы повторить избиение.

– Да не, он, пожалуй, не водит, Леха, – рассудительно заметил Антон. – Откуда этой сямке знать, кто тут главный по дури? Ну, знает своего непосредственного поставщика – так я и сам знаю, кто у нас в поселке этим занимается. Эту гниль не вывести, Леха. Одни уйдут – другие сразу появятся. Не нам эту проблему ворошить. Не по Сеньке шапка.

– Догнали, ублюдки? – мстительно захохотал ценитель натальной живописи. – Так что геть отсюда на хрен, мы с вами еще встретимся... – И начал, кряхтя, подниматься. Заворошились другие. А Леху Корчагина в этот момент обуял неописуемый гнев. Как же его воротило от этого отребья! Что ж, проверку он провел, процессуальное решение принял! Он ударил подонка в пасть, доламывая то, что не сломал раньше. Урка шмякнулся обратно, зашамкал беззубым ртом. А Леха широким шагом направился к лошадям, сбрасывал мешки, швырял их в кучу. У него имелся потрясающий план. Он подпаливал мешковину зажигалкой – с трех сторон, чтобы не возиться. Анаша горела охотно, насыщая воздух стойким характерным запахом. Трещали мешки, растекалась обертка. Товарищи потрясенно молчали – решение, принятое без обсуждения в коллективе, действительно выглядело «авангардным». Вертелись, выли и сквернословили перевозчики марихуаны – они тоже не могли поверить, что происходит именно это!

– Леха, а ты уверен, что мы можем себе это позволить? – засомневался Коптелый, отходя подальше от разгорающегося костра.

– Решение, конечно, радикальное, – убитым голосом сообщил Антон.

– Какие бабки горят... – потрясенно бормотал Вовка. – Нам бы этих бабок вплоть до пенсии... Впрочем, какая теперь разница...

– Вонючие бабки, – негромко, но членораздельно проговорил Корчагин. – Будем жить и каяться. Пусть горят. Можете подышать, если есть желание.

Горело это богатство минут пятнадцать. Друзья выходили из оцепенения, озадаченно чесали затылки – зрелище околдовывало. А Леха яростно надеялся, что подставил этим поступком только себя – ведь исключительно ОН был инициатором затеи с большим пионерским костром. А когда поникло пламя, он бросился пинками поднимать избитых уголовников и примкнувшего к ним Раковича.

– Ваше счастье, уроды, что я не мент, – шипел он, одаривая эту нечисть затрещинами и подзатыльниками. – А ну, катитесь отсюда, и чтобы духу вашего тут не было! Мне плевать, как вы до города доберетесь, или куда вам там надо... А ну, кыш, считаю до трех...

Они уходили, согнувшись в три погибели, хватались за все, что подворачивалось под руку, изрыгали проклятия. А ветер уже свистел в головах, настроение поднималось, кураж охватывал – неужели надышались? Похохатывая, они повели коней в расщелину, спустились в примыкающий к распадку овраг. Лошади, на которых они взобрались на эту кручу (опередив на час «караван»), смиренно ждали – запряженные, привязанные к огрызку скалы, напоминающему столб. Все отлично ездили верхом. Еще с детства – крутые ковбои, джигиты, все из себя наездники... Отвязывали лошадей, перебрасываясь шуточками. Вели их по теснине, пока распадок не расширился, а уклон не принял относительно покатый вид. Пять минут – и удалая «кавалерия» с гигом и улюлюканьем вынеслась из ущелья в долину! Отбитые лошади скакали рядом, привязанные длинными поводьями. Четверо всадников разворачивались цепью, ветер был в ушах, метались гривы, конские хвосты – верх наслаждения!

– Кого тут еще порубать?! – припадочно ржал Коптелый. – А ну, посторонись, зашибем!!!

Но никого в округе не было, безмолвствовал Аргабашский район. Начало мая, туристический сезон еще не стартовал, а местные жители в это время суток предпочитали спать. Четыре всадника и еле поспевающие за ними «отщепенцы» домчались до леса, где снова перестроились в колонну и втянулись по дороге в лес. В Аргабаш въезжали в чинном спокойствии – не дело будить людей своими свистоплясками. По поселку разносился запах цветущих яблонь, вишни, черемухи. Широкие дороги, аккуратные домишки за плодовыми деревьями – и лишь ближе к центру возвышались двух- и трехэтажные строения – местные предприятия, административные, торговые здания. Кавалькада ушла с широкой Озерной улицы, разрезающей город пополам, и подалась на восточную окраину – к коневодческому хозяйству «Буденновское», которым заправлял Алексей Корчагин. Самое время навести порядок и уволить кое-кого еще...

– Что, Рыба, не расхотелось быть писателем? – поддевал приятеля Коптелый. – Все еще тянутся руки к перу? Я имею в виду гусиное...

– Не-а, не расхотелось, – швырнул носом и смеялся Вовка Струве. – С чего бы, пацаны? Судите сами – куча жизненных историй уже есть, сегодня еще одна появилась. Компьютер тоже имеется. Фамилия редкая, не стыдно за обложку...

– Про Леху напиши, – поддел Антон. – Он точно сегодня в ударе. Домой поедешь, Леха? Или снова проводишь меня до Робеспьера?

– Да к зазнобе он своей, куда же еще, – хохотнул Коптелый. – Он всегда несется к ней, когда друзья надоедают. Скоро женится, помяните мое слово. Торопись, Леха, два часа ночи – мечется, поди, от окна к окну, кручинится шибко. Эй, не бей меня... – спохватился Шура и прищипорил пятками скакуна.

– Бессонной ночи, голыши... – хихикнул Струве и тоже наподдал своей кобыле, чтобы не спровоцировать «ДТП»...

В третьем часу ночи Алексей отделался от беззлобно подтрунивающих над ним друзей и вышел на улицу Робеспьера, выходящую по западной окраине Аргабаши. Уверенный шаг делался короче, дыхание стопорилось – как всегда в подобной ситуации... Он ушел с проезжей части, а когда приблизился к нужному дому под номером тридцать, то обнаружил себя в кустах по левой обочине, сердце билось, выступила испарина. Подступы к дому заросли черноплодной рябиной. Он воровато огляделся и сунул нос через штaketник. В округе было тихо, спали люди и их домашние питомцы, спали усталые игрушки... Несколько минут он торчал под забором, приказывая сердцу не бузить. В добротном двухэтажном доме проживала семья Холодовых. Глава семьи, Виктор Петрович, был хорошим добродушным человеком, хотя и работал депутатом районного совета. У него была супруга Галина Игоревна – трудилась в том же заведении на менее ответственной административной должности. Тоже хорошая – без придури, снобизма, как у некоторых. И у этих хороших людей имелась дочь...

Он не мог не волноваться! Уже три месяца волновался как мальчишка, едва оказывался в непосредственной близости от этой девчонки... Подтянувшись, он схватился за гребень забора (хозяева добрые – ограда не заостренная), забросил ногу и через мгновение уже приземлился на свою излюбленную посадочную площадку – между кустами крыжовника. Завозилось грузное тело в собачьей будке, загремела цепь, вылезло чудовище в собачьем обличье – но не успело огласить округу громогласным лаем, как Леха лихорадочно зашептал:

– Джим, не ори, это я...

Ворчание сменилось приветливым скулежом, и вскоре он уже по-свойски мямлил и теребил обросшего кудлатой шерстью монстра – жестокою и беспощадною кавказскую овчарку по кличке Джим. Собака норовила обхватить его мускулистыми лапами, облизывала шершавым языком. Он вырвался из дружеских объятий, сунул псу симпатичную лытку, прихваченную из дома, – чтобы тихо ел, а не выражал на весь город свой щенячий восторг. Простившись со сторожевым псом, он перебежал к фундаменту, сел на корточки и отправился гусиным шагом в обход – мимо гостиной, мимо окна спальни родителей, мимо второго окна спальни родителей... Он перебежал через веранду, посидел в темноте, дабы удостовериться, что не замечен нежелательными элементами. Затем с колотящимся сердцем еще раз обогнул дом, полез по водосточной трубе, которая не была рассчитана на такие нагрузки, но пока терпела. Заветное окно было открыто. Он едва справлялся с волнением, когда бесшумно развел смазанные створки и перебрался на подоконник.

– Кто это? – с деланным ужасом прошептала темнота.

– Это я, – отвечал Алексей, перебираясь с подоконника на пол. – Одинокий привлекательный шатен с серыми глазами и фигурой Аполлона. Между прочим, приятный во всех отношениях мужчина. Ты еще не чувствуешь меня на расстоянии?

– Я тебя чувствую, за версту чувствую... – поведала с придыханием темнота и сделалась как-то ближе – настолько близко, что сердце уже выскакивало! – Но извини, Лешенька, проверить на ощупь я обязана...

Мягкие ладошки коснулись щек, они мгновенно загорелись и стали пунцовыми. Лида приблизила к нему мордашку, стала целовать, мягко пощипывая губами. Он расслабился, потек, голова освободилась от ВСЕГО, он превращался в какого-то блаженного дурачка. Дыхание застопорилось, руки не могли висеть плетью, обняли тонкую талию, обтянутую кружевной сорочкой, побежали по шелковистой, обалденной на ощупь коже бедра...

– Где ты был так долго? – Ее голос срывался, она прерывисто дышала. – Третий час тебя жду, родители давно заснули...

– Камасутру читал в оригинале, – отшутился он, крепко обнимая прильнувшее к нему тельце. – Прости, любимая, действительно был занят... по работе.

– Бессовестный... А я уж собиралась устроить тебе выволочку...

– А потом вспомнила, что не замужем? – Он рассмеялся, стал прикидывать расстояние до кровати, которой не видел, но точно знал, что она здесь. И тут он вспомнил, на кого похож после диких ночных прогулок, стало стыдно, он отстранился. Лида тоже почувствовала что-то неладное, с подозрением поводила носом.

– Запашок от тебя, дорогой... Знаешь, я бы так его охарактеризовала: легкая смесь пота, грязи, конины, нездорового сексуального возбуждения... Кстати, где и чем ты занимался?

– Работал, прости идиота... Не возражаешь, если я воспользуюсь твоим душем?

У Лиды на втором этаже имелся собственный душ, а также все необходимое для автономного проживания. Она взяла его за руку и повела в царство белого кафеля и импортной сантехники. Включила свет, критично обозрела, покачав головой, и, прикусив губу от вождения, стала стаскивать с него жилетку, пропотевшую рубашку. А он не мог отвести от нее глаз, бормотал с какими-то жалобными нотками:

– Милый Лидочек, да ты у меня не только умница, но и красавица...

Как будто раньше этого не знал. Три месяца не мог налюбоваться. Влюбился по уши – беспросветно и безвыездно. Хрупкая фигуристая брюнетка, глаза огромные, как полушария на карте, губы чувственные, юмора – хоть отбавляй... Лиде Холодовой не так давно исполнилось восемнадцать. Она была на пять лет младше Алексея – но это ерунда. Год назад девушка окончила школу, поехала в Барнаул куда-то поступать, не поступила – вернулась грустная-прегрустная. Засела за учебники, копалась в Интернете – твердо решила сломать себя через колено, но поступить на следующий год. В феврале текущего года она пришла с отцом в «Буденновское» – Виктору Петровичу срочно требовалась тройка с бубенцами на юбилей супруги, и он затеял с Алексеем строгий деловой разговор, прекрасно зная, что под такие потехи Леха коней не дает. Не к лицу его красавцам бегать в упряжке под какими-то пьяными компаниями. Но как увидел девушку, пришедшую с отцом, перекрестились взгляды – обо всем забыл. Готов был всю конюшню отдать на нужды юбилярши и ее благоверного! Кто такая, почему не знает? Потом дошло – ЗНАЕТ! Учились вместе в одной школе, пятый класс окончила, когда он выпускался. Ничего особенного – косички, мордашка, как у всех. И вдруг расцвела... Рядом с Лидой и ее отцом крутился чиновник из районной администрации по фамилии Рудницкий – первый зам главы района Вострякова Пал Палыча. Молодой, но ранний, тридцатник еще не заменил. Хитрый карьерист, смазливый, неприятный – так и увивался вокруг Лиды. Возможно, и сложилось бы у них, кабы не уперся девичий взгляд в подтянутого парня по фамилии Корчагин. Взглянула, хлопнула ресницами, еще раз взглянула... Это было какое-то безумие. Взаимная любовь с первого взгляда – если бывает такое. У Рудницкого просто не было шансов! Он бесился, скрежетал зубами, видя, как эти двое не отходят друг от друга, злобно что-то нашептывал Виктору Петровичу, но тот лишь удрученно разводил руками: не ко мне, мол, крепостное право отменили, живем в цивилизованной стране, где дети сами вольны решать... А Леха утонул в любви с потрохами! Чуть свободная минутка – уже бежал к своей Лидуньке, тащил цветы, конфеты, колечки, сережки. Он был неиссякаемым фантазером по части развлечения девушки. Научил ее ездить верхом. Они объездили все окрестные горы и долины, встречали рассветы и закаты – в седле, на краю обрыва, околдованные видами, от которых захватывало дух и мурашки ползли по коже. Он показывал ей бесподобно красивые места, возил на водопасы, о существовании которых она не знала, а однажды привез в урочище, где имелось озеро невиданной красоты – уголок с необъяснимым микроклиматом. Они купались в теплой воде, хохоча от восторга – пятки щекотали горячие струи, бьющие из-под земли. А вокруг этого дивного уголка прозябал апрель, дули промозглые ветра, еще не растаял снег! Он убедил ее выбросить из головы ничтожные мысли о высшем образовании – не время, потом, не в этой

жизни. Они должны быть вместе, здесь, в Аргабаше! На сентябрь он планировал свадьбу – пышную, чтобы весь город за него порадовался. И пусть друзья подохнут от ехидства. Всё у него было: дом, собственное «ранчо» – неиссякаемый источник занятости, какие-то накопления в банке, две машины. Расти, расширяться, становись нормальным человеком. Он категорически возражал, чтобы Лида искала себе работу – еще чего! Однажды он посвятил ее в свои матримониальные планы – она сделала круглые глаза, бросилась ему на шею и чуть чувств не лишилась. Виктор Петрович и Галина Игоревна о чем-то догадывались, делали странные лица всякий раз, когда он уводил из дома дочь. Но ни разу не затеяли серьезный разговор. Проблема решалась – чем он не выгодная партия? Надежный, твердо стоит на ногах, пользуется уважением в городе, имеет полезные связи. Не говоря уж про такие «незначительные» мелочи, как бездна обаяния и привлекательности, общительность, бодрость духа и тела: не пьет, не курит, не ширяется. Он был уверен, что с родителями проблем не возникнет. У него же на лбу написано: **ВЫГОДНЫЙ ЖЕНИХ!** Впрочем, они не знали, что частенько в ночь глухую этот парень пробирается в их дом и вытворяет в кровати с их дочерью такое, что ни пером описать, ни в порнофильме показать. Узнав об этом, они бы расстроились и огорчились...

Она не могла ему доверить такое ответственное дело, как избавление от пота и грязи. Скинула смешную сорочку и скользнула в душ вслед за Лехой. Задержнулась занавеска. Первое время он действительно пытался мыться, воевал с мочалкой, с мылом, с возбужденным женским телом, льнувшим к нему. Ее дыхание учащалось, глаза мутнели и закатывались, она прижалась к нему острыми бутонами, обвила ногой его ногу. Дрожащие руки скользили по его недомытому телу, по всему, что напряглось и приготовилось к жаркой схватке. Миниатюрная женская рука оторвалась от его бедра, нашла на ощупь кран, перекрыла воду.

– Хватит, будем экономить, хорошего помаленьку... – прошептала она, сгорая от нетерпения. – Родители услышат, что у меня бежит вода, придут поинтересоваться, почему я моюсь посреди ночи...

Бешеная страсть накрыла с головой – прямо здесь, на белоснежном акриловом покрытии. Горизонтальных плоскостей в маленькой комнатке катастрофически не хватало, они выкручивались, как могли. Девушка вцепилась в оцинкованную трубу, дрожала, вибрировала, он затыкал ей рот, боясь, что она раскричится на весь дом... А когда умчался ураган и звон в ушах достиг приемлемых децибел, они валялись, скрюченные, на дне ванны, Лида осыпала его поцелуями, потом обмякла, спустилась, как шарик, застыла «крючком», прошептав, убитая истомой:

– Господи, я такая недвижимость...

«Вечное наслаждение за грехи наши тяжкие...» – лениво подумал Корчагин.

Пришлось на время пустить воду, а когда они выбирались из ванны, очень кстати выяснили, что в помещении отсутствуют полотенца, за исключением ножного и гибкого коврика, представить который в роли полотенца было несколько трудно.

– Забавно... – прошептала Лида. – Да, это так... С вечера я приняла душ и помыла голову. Истратила на это дело оба полотенца – одно обернула вокруг головы, второе... вокруг себя. Оба сохнут на стуле в комнате... Будем ждать, пока высохнем?

– Есть телефон, – кивнул Алексей на свои скомканные штаны. – Можем позвонить твоим родителям, пусть поднимутся и принесут нам полотенца...

Сдавленно хихикая, они покинули пределы ванной комнаты, на цыпочках добежали до заветных полотенец, лихорадочно вытерлись. А потом Алексей ползал с тряпкой, удаляя следы «вселенского потопа». А когда вернулся, его уже поджидало на кровати обнаженное чудо – заманчивое, с распущенными влажными волосами – и в такой позе, словно в ванне у них ничего не было! И вновь взыграло сердце, понеслась душа и все, что ниже пояса... Кто тут принимает запрещенные позы?! Они катались по атласному белью, целовались – сначала нежно, лениво, потом, распаяясь, входили в азарт, в иступление. Много ли нужно молодым здоровым орга-

низмам? В какой-то миг, перед самым ответственным моментом, когда головы уже взрывались и не думали, они оказались на краю кровати, откуда и грянули на пол! Но остались единым целым и все закончилось одновременным, с выбросом колоссальной энергии!

– Тебе не больно? – отдышавшись, спросил Алексей, с удивлением обнаружив, что они лежат на полу и здесь не так ужасно, как кажется сверху. Над кроватью горит ночник, по полу ползают тени, и все представляется в иных, очень даже нежных и пастельных красках...

Лида радостно засмеялась, прижалась к нему бедром.

– Не знаю, милый, не чувствую... Мне так хорошо, словно я с полными сумками вернулась из ювелирного...

И все бы ничего, но спальня Лиды находилась над спальней родителей, а сто тридцать килограмм не могут упасть бесшумно. Можно представить, как там тряслась люстра... Любовники упустили из виду что-то важное. И когда в коридоре послышалось кряхтение и в дверь постучали, онемели и со страхом уставились друг на друга. Хорошо еще, что Лида перед сном заперла дверь на задвижку...

– Лидунчик, у тебя там все в порядке? – взволнованно спросил хриловатым со сна голосом Виктор Петрович.

– Мы слышали, как у тебя что-то упало... – вторила ему с аналогичной хрипотцой Галина Игоревна. В воспаленном воображении возникла пожилая особа с прямой, как штанга, спиной – в ночной рубашке до пят, с распущенными седыми волосами, свечой в руке и пронзительным недобрый взглядом. Жуть какая... Они продолжали оцепенело разглядывать друг друга.

– Лидунчик, да что случилось? – разволновалась мать. – Ответь же, не заставляй нас выламывать дверь и вызывать милицию...

– Доченька, подай голос, – жалобно ныл Виктор Петрович.

– Мама, папа, все в порядке... – насилу выговорила Лида. – Просто я так крепко спала, мне приснилось что-то жуткое, и я упала с кровати...

«Страсти-то какие», – подумал Алексей.

– Господи, ты не ушиблась?

– Мама, папа, я живая, я уже сплю, идите вниз, все в порядке...

– А помнишь, когда она была маленькой, она тоже падала с кровати, – напомнил Виктор Петрович. – Мы жили в однокомнатной квартире в Горно-Алтайске, она ночью и упала – ты еще шутила после того, как выпила всю валерьянку: мол, обезьяна свалилась с пальмы...

Леха хрюкнул и запоздало зажал рот рукой. Лида посмотрела на него огромными глазами и показала маленький кулак.

– Что это было, доченька? – заволновались одновременно родители. – Это что за звук? У тебя там кто-то есть?

– Господи, родные мои, здесь нет никого... – простонала девушка. – Это голос у меня такой по ночам... Идите же вниз, дайте поспать...

– Нет, ты открой, мы убедимся, что с тобой все в порядке, и только после этого пойдем спать, – сказал окрепшим голосом Виктор Петрович, а супруга поддержала:

– Да, милая, открой на минуточку, не заставляй выламывать дверь и вызывать милицию.

– Да какие же вы... ну, подождите, я халат накину... куда я его дела?

Вариантов по ходу не было. По-крупному прокололся Леха. Они вскочили с пола, девушка яростно жестикулировала, делала умоляющие глаза, стучала по лбу, крутила пальцем у виска. Леха заполошно озирался. Где шкафы?! Это явно не то место, где обитают современные плюшкины! Крохотная горка из черного дерева, но чтобы залезть туда, нужно знать секрет, как уменьшить человека! Он метнулся к встроенной кладовке – туда и гитару не впихнуть! Сунулся под кровать – до пола сантиметров десять, это как же нужно сплюснуться! В санузел метнуться? – точно зайдут. Он растерянно уставился на Лиду – а та уже влезла в ночнушку и теперь натягивала махровый халат, исписанный ясными солнышками. А он возвышался тут

голый, как в бане, прикрывая «знаковое» место, которое всегда во всем виновато, и ведь действительно становилось страшно!

– Думай, Лешенька, думай... – сдавленно шептала Лида. – Проверка на сметливость. И поспеши, у тебя осталось четыре секунды...

А дверь уже стучали, родители нервничали, по коридору разносился испуганный глас Галины Игоревны! Почему ее дочь так долго не открывает?! Какие они тупые, неужели трудно догадаться... Он метался по комнате, собирая разбросанную одежду, сунул под мышки ботинки, завертелся, кинулся в ванную, сцапал штаны. Пулей помчался обратно, распахнул окно, сбросил вниз свое хозяйство. Жалобно взглянул на девушку, которая подтирала за ним ладошкой грязные следы, и полез на подоконник. И через секунду уже болтался, вцепившись в край карниза – слава богу, что кирпичного!

– Милый, повиси всего минутку... – прошептала Лида, закрывая за ним окно.

Как это мило. Он висел на хлипком козырьке, напрягая пальцы, сверкал голой задницей на весь поселок! Хорошо, что ночь и в округе не толпятся рукоплещущие зрители! Пальцы сводило судорогой. Он оттянул левую ногу, чтобы достать до водосточной трубы. Достал – и что дальше? Это с трубы на подоконник можно, а вот обратно – уже проблема. Нужно встать на карниз, вытянуть хотя бы две конечности – верхнюю и нижнюю. Но если встанет, его увидят из комнаты. Да и как подтянуться? – он уже не мог... Он тужился, держался, отыскивал ногой какую-нибудь выемку в стене. Но нога срывалась, пальцы выкручивала судорога. Он напряженно вслушивался, но различал лишь глухие голоса. Вот сородичи обозрели мордашку дочери – весьма странную для этого времени суток, зачистили комнату, заглянули в ванную, поводили носом – что за чуждый дух тут витает? Вот решили подойти к окну. Можно и не открывать, просто убедиться, что на карнизе не сидит какой-нибудь голубь, а скрюченные пальцы, сползающие с карниза, в темноте не видно...

Да уж, приключение. Прощай, Леха. Пальцы разжались, и Алексей Корчагин, призывая себя не орать и тем более не материться, махая ногами, полетел вниз! Он рухнул спиной на собственную жилетку, которая, вылетая из окна, расправилась и накрыла смородиновый куст. На нем уже проклюнулись листочки, но, разумеется, не было ягод! Куст отпружинил, боль была терпимой, но ощущения – просто улетные! Трещали и ломались ветви, острые побеги вонзались в плечи и ноги. Он лежал потрясенный, переживая ярчайшее в жизни впечатление, благоговейно смотрел на иссиня-черное небо, усыпанное мириадами подмигивающих звезд.

– Спасибо, Господи, – пробормотал Леха. – Ты сегодня такой снисходительный... – и откинул голову, закачался в подозрительно колючем гамаке...

Секунд через тридцать распахнулось окно и гулкий шепот возвестил:

– Обыск прошел успешно, подозрительных предметов не найдено... Милый, давай руку... Ой, а ты где? – В ее голосе зазвучал неподдельный испуг. – Ты упал или взлетел? Ты жив?

– Да, несомненно, – ворчливо донеслось из темноты.

– Слава богу, а я уж подумала... Ты сможешь подняться?

– А я уже поднялся, – прозвучало сбоку, и девушка отшатнулась. На подоконник с водосточной трубы переметнулось нечто и заключило ее в крепкие мужские объятия...

В одиннадцать утра, отчасти выспавшийся, он уже трудился в своем хозяйстве, которое в народе много лет назад окрестили «ранчо Корчагина», да так и прижилось. Отец удалился от дел, пережив опасный инсульт, и всю свою головную боль передал сыну. Теперь он лишь изредка навещал бывшую вотчину с «инспекторскими проверками» и массой полезных советов. В советские времена на восточной окраине Аргабаша располагалось племенное хозяйство под эгидой государства. Здесь «доводили» и улучшали породы местных алтайских скакунов, пестовали рысаков, имелся целый табун «буденновцев». Но уже в восьмидесятые хозяйство

развалилось, пришло в упадок. В начале девяностых, когда Алексей пешком под лошадь ходил, Дмитрий Иванович рискнул взвалить на себя этот тяжелый груз. «Научную часть», разумеется, исключили, но конюшни, места для выгула и вольтижировки привели в порядок, обновили. В хозяйстве обьезжали необьезженных лошадей, укрощали строптивых, работал клуб любителей верховой езды. Готовили лошадей для конного туризма – заказов было много ввиду наличия под боком озера Алтын-Коль, множества баз отдыха и туристических маршрутов, среди которых хватало и конных. Тренировали лошадей для конкура – состязаний по преодолению препятствий, для скачек. К отцу обращались коммерсанты со всей Сибири – не только с Алтая. Апофеозом его работы стала убедительная победа трехлетнего гнедого жеребца по кличке Индеец на ежегодной выставке в Казани «Кони, мои кони» – он затмил буквально всех непревзойденной статью и практически человеческим интеллектом...

Этим утром он обьезжал вороного жеребца по кличке Вампир. Упрямое животное, имеющее собственный взгляд на мир, привез две недели назад некий обеспеченный господин из Рубцовска. Жеребец ему чем-то приглянулся, просил обьездить и обуздать дикий нрав. Конь действительно попался злой, горячий, живущий явно не по «понятиям». Впрочем, в каноны он укладывался: самая злобная – вороная масть. Рыжим не хватает выносливости. У белых и буланых – нежная конструкция, телам не хватает мускулистости и упругости. А вот гнедые – самые надежные. Во всем. На них всегда можно положиться – если относишься к ним с душой и пониманием. Впрочем, жеребец господина из Рубцовска был божественно красив. Рослый в холке, с абсолютно черной гривой и таким же хвостом – без капли седины или еще каких-то примесей. Спортивное тело, волоокий взор, в припадке гнева глаза превращались в воспаленные фонари...

Но те времена уже прошли. Вампир присмирел, слушался команд, послушно закусывал удила и уже научился понимать, где «сено», а где «солома». Он трусил по кругу умеренной рысью – то переходил на шаг, подчиняясь воле наездника, то срывался в карьер, когда Алексей его прищипоривал и отпускал удила. Лежа чувствовал себя, в принципе, неплохо. День выдался солнечный, душу грели приятные воспоминания. Были, впрочем, и неприятные – вроде падения из окна или ночных приключений с друзьями, с участием битых морд и костра из анаши. Но об этом он старался не думать. Все решится, у него ведь есть голова на плечах?

Работы было море. А после «массовых увольнений», которым он подверг свои «авгиевы конюшни», – еще больше. Но поработать удалось минут пятнадцать, после чего начались паломничества – одно за другим! Первой прибыла машина из районного управления внутренних дел. Остановилась на обочине под раскидистым столетним дубом, с заднего сиденья высадились двое и побрели к плетеной загородке. Алексей скрестил пальцы и покосился через плечо. Ворота в конюшню были открыты. Конюх Рябченко (не замеченный в связях с Ракочем, а потому сохранивший «хлебную» должность) еще минуту назад был на виду, драил пегого Казбека, которым Алексей планировал заняться после обеда. А теперь пропал – вместе с ведром. Только Казбек, недобро пыхтя, смотрел на приближающихся милиционеров – можно подумать, что-то понимал...

Гости были высокие и, безусловно, дорогие. Первым тащился целый майор – начальник управления, Гаркун Егор Тимофеевич. Главный мент в славном городе Аргабаши. Мужу было глубоко за пятьдесят, он имел избыточный вес, страдал одышкой. «Заинтересованные стороны» сходились во мнении, что Егор Тимофеевич нормальный мужик. Не самодур, без подлости, неплохо разбирается в жизни и в людях. И если уж милиция неизбежное зло, то пусть за порядком в городе взирает именно он, а не кто-то другой. Его сопровождал капитан Пузыкин – неприятный, неряшливый и рябой тип («шилом бритый» – говорят про таких в определенных кругах общества). Капитан к загородке не пошел, смерил конюшню брезгливым взглядом, повернулся боком и уставился на столетний дуб. Одновременно начал ковырять в носу.

– Приветствую, Алексей, – припадая к загородке, прокряхтел майор.

– Доброе утро, Егор Тимофеевич. – Корчагин подъехал к ограде с внутренней стороны, и майор невольно отстранился – наличие звериной морды в зоне личного пространства не всегда радует. Алексей потянул носом – от местного «шери́фа» сквозило перегаром. – Вы неважно выглядите, Егор Тимофеевич.

– Да, Алексей, я не в лучшей форме, – согласился майор. – У самого-то как? Ничего не случилось?

– Да вроде нет, – пожал плечами Алексей и открытым дружелюбным взглядом уставился на офицера милиции. – А что должно случиться?

Тот посмотрел очень пристально своим фирменным корябающим взглядом – дескать, уши не шлифуй, мальчишка, я все знаю. У воцарившегося молчания была очень интересная интонация. Майор подумал и решил зайти «с червей» – то есть пока по-доброму.

– Тут что-то странное творилось ночью, Алексей, – он понизил голос, покосился на заместителя. Тот уже не ковырял в носу, починил. – Двоих урок крепко избили – Птицына и Синелина... Ну, ты их, наверное, не знаешь, верно?

– Откуда, – пожал плечами Алексей. – Мне оно надо, Егор Тимофеевич?

– Да знаю, что не надо, – вздохнул майор. Прокряхтел, поохал и начал намекать буквально оглоблей! Дескать, эти не очень законопослушные господа (у обоих в активе куча разбоев и долгие, к сожалению, уже отбытые сроки) минувшей ночью чего-то мутили, наблюдалась подозрительная возня. В общем, неважно, куда они ходили и что делали, но, по свидетельству очевидцев, вернулась парочка в Аргабаш просто никакая. Не в смысле пьяная, а в смысле битая, да так, что не всякая больница теперь возьмется за восстановление. Сожительницы в шоке, кореша на ушах. Обоих увезли в районную больницу, положили в коридор – мол, утром разберемся. А утром пришли – у обоих языки отрезаны! Под корень! Сами кровью исходят, но пока живые. Те, кто рядом лежал, как водится, оглохли и ослепли. Типа спали. В больницу, в принципе, любой может проникнуть. Эти двое, конечно, не самые почетные жители нашего городка, но вроде как по закону мы должны реагировать...

– Вот так кунштюк, Егор Тимофеевич... – Алексей почувствовал, как волосы на голове шевелятся. – Не, если вы про языки – то это точно не наша тема...

– А все остальное? – с интересом склонил голову майор. – Нанесение побоев, все такое. Как там у вас? Смекалка, сноровка, монтировка...

– Не в курсе, – опомнившись, замотал головой Корчагин. – Сами подумайте, с какой стати нам кого-то избивать?

«И при чем тут монтировка?» – подумал он.

– Вот и кореша твои о том же говорят, – вздохнул майор. И проницательно прищурился. – Хотя, если подумать... Ладно. – Он досадливо махнул рукой. – У самого-то имеются соображения – кто их мог отделать?

– Имеются, – кивнул Алексей. – Вы разве не слышали, что в окрестных горах объявилась секта панков-старообрядцев? Колотят всех, кто не с ними.

– Чего-о? – отвесил челюсть майор. А обнаружив, как смеются глаза у паренька на лошади, сплюнул. – Тьфу на тебя, все шутишь... Ракович на месте? – кивнул он на конюшню.

– Уволен Ракович.

– Когда? – изумился майор.

– Вчера. А что, Егор Тимофеевич?

– Да как тебе сказать... Он в ночное куда-то по работе собирался, утром домой не пришел – жена примчалась в отделение, учинила дикий ор, дескать, не в привычках это ее мужа... Ладно, будем надеяться, что найдется. Ты уж береги себя, Алексей, мало ли что...

Начальник милиции развернулся и грузной поступью побрел к машине. Алексей задумчиво смотрел ему вслед. Егор Тимофеевич нормальный мужик, но всё ли в его власти? Капи-

тан Пузыкин, с любопытством подслушивавший разговор, развернулся и потащился за шефом. Несколько раз он оглядывался, окидывая хозяина «ранчо» неприязненным взглядом. С этим типом сложнее – неприятный, физиономия – из тех, по которым плачет кирпич или лопата. Он явно что-то знал. «Шваркнуть бы тебе в торец», – тоскливо подумал Алексей, отводя жеребца от загородки.

И вновь не дали поработать. Вампир бежал по кругу нетвердой иноходью, когда раздался рев двигателя и из-за рощицы выпрыгнул подержанный японский джип. Водитель несся по дороге, как шахид, которому не хватило взрывчатки! Но нет, никакой спешки, просто данный индивид предпочитал именно такой стиль езды. Джип лихо встал напротив ранчо, из машины выбрался русоволосый стройный субъект в элегантном костюме, осмотрелся и закурил. Он выглядел импозантно, даже залысины на высоком лбу его не портили. Алексей не реагировал, продолжал гонять коня по кругу. Рудницкого Леонида Константиновича, первого зама главы районной администрации, он на дух не выносил. И не только за то, что тот подбивал когда-то клинья под Лиду (и, похоже, продолжал это делать), но и за некоторые прочие «язвинки». Зачем тебе власть? Чтобы что-то украсть? Жуковатый, мстительный тип... Про Рудницкого ходили слухи, что он подворовывает из городского бюджета, мухлюет с земельными угодьями вокруг озера Алтын-Коль и водит дружбу с криминальными авторитетами Алтайской республики.

Он был сегодня один и без охраны! Приблизился к загородке, сунув руки в карманы, и принялся с любопытством разглядывать своего недруга. У него был очень утомительный и гнетущий взгляд.

«Дать бы тебе лопатой», – злобно подумал Алексей, чувствуя, как предательски пересыхает в горле.

– Чем обязан, Леонид Константинович? – не очень дружелюбно осведомился он.

– Хотелось бы обратить кроху вашего внимания, Алексей Дмитриевич, – в том же тоне отозвался Рудницкий.

Пришлось подъехать – иначе не избавиться от назойливой личности.

– Как бизнес, Алексей Дмитриевич? – вкрадчиво осведомился Рудницкий. – Абротники не беспокоят? Ах, простите, конокрады... С противопожарной безопасностью у вас, надеюсь, все в порядке? С налогами, с санитарными нормами – никаких проблем? Зарплату работникам выдаете белым налом или черным?

Сжалось сердце – Леха вспомнил свой кошмарный сон, когда из объятий пламенем конюшни выносились горящие кони. Но внешне он не выдал своего «расположения» к собеседнику, отметил лишь, что придется, пожалуй, раскошелиться на дополнительную охрану.

– Чего надо, Леонид Константинович? – более конкретно осведомился он.

– Вы еще не расположены продать свое хозяйство, Алексей Дмитриевич?

«Может, тебе еще и Лиду по дешевке уступить?» – чуть не сорвалось с языка, но Алексей сдержался.

Рудницкий уже полгода охаживал его ранчо, имея на него собственнические планы. Сжигать ферму чиновнику резона не было, он хотел ею ВЛАДЕТЬ! Владеть Лидой, владеть коневодческим предприятием, владеть здесь ВСЕМ! Слава богу, руки не доросли, чтобы дотянуться до всего. Неглупый человек, понимал, что власть у него пока ничтожная, нужно подрасти, набраться веса, избавиться от конкурентов, а уж потом выражать свои пожелания в более убедительной форме. Понимал Рудницкий, что и за Лехой имеются силы – и авторитет у Лехи не дутый, и возможности есть, невзирая на возраст. И сам Леха может кому угодно шею свернуть. Сколько их было – этих неприкрытых или плохо завуалированных намеков – мол, продай хозяйство, не зли, оформим по справедливости, и тогда забудем, что ты у меня из пищевода увел первую городскую красавицу...

– Продать вам хозяйство, Леонид Константинович? – усмехнулся Корчагин. – А какой мне с этого, извиняюсь, понт?

– А понт, Алексей Дмитриевич, самый прямой и непосредственный, – Рудницкий криво усмехнулся. – Именно сейчас ваше хозяйство пока еще чего-то стоит. Получите неплохие деньги, сможете реализовать себя в другом деле. С каждым месяцем ваша ферма будет дешеветь – поверьте, это не угроза, это суровая экономическая явь. И очень скоро достигнет в цене исторического, так сказать, минимума. Животные подвержены болезням – как у вас, кстати, с ветеринарным контролем? Наемные работники подвержены соблазнам. Мне бы очень не хотелось, чтобы через полгода вы пришли ко мне с отчаянной мольбой забрать хозяйство и услышали в ответ, что стоит оно копейку, да и та уйдет на уплату налогов. Что вы переживаете, Алексей Дмитриевич? Не пропадет детище вашего папеньки, здесь будут работать превосходные специалисты...

– Когда же вы уймётесь наконец, Леонид Константинович? – в сердцах вымолвил Алексей. – Всё скупаете и скупаете. Дома, квартиры, турбазы, чужие предприятия... Поди и в Штатах подкупили чего-нибудь на распродаже, нет?

– Что вы, Алексей Дмитриевич, мы люди бедные, – решил не лезть в конфронтацию Рудницкий. И сухо рассмеялся: – У нас в Штатах практически нет недвижимости. Так что у нас с наболевшим вопросом? Пока еще действует выгодное предложение: я могу заплатить вам за ваши развалины и небогатый лошадиный контингент целых двести тысяч долларов. Неплохо, согласитесь?

И тут Лехе стало дурно. Взгляд Рудницкого делался другим – предельно острым, ковыряющим. Потемнела скуластая физиономия, отвердели мышцы лица. Он смотрел сурово, требовательно, как человек, который ЗНАЕТ ВСЁ. Где вы были прошлой ночью, Алексей Дмитриевич? А мы ведь знаем, где вы были, что делали и кто при этом присутствовал. И заметьте, за все то, что вы сотворили, за то, что нанесли невосполнимые финансовые потери, вас еще и по головке гладят – предлагают двести тысяч билетов федеральной резервной системы Соединенных Штатов...

Екнуло сердце. Он смотрел в глаза парню, по поручению которого работали сидельные господа Птицын и Синелин... Почему бы нет? Что он знает об «экономических» интересах Рудницкого? И не боится ведь, гад, практически не скрывает...

Молчание затягивалось. Самым уместным было бы выпалить из всех стволов и подкрепить слова поступком: сбегать за лопатой и огреть этого черта по затылкам. А потом засунуть его в багажник и отвезти в милицию. Но элементарный здравый смысл подсказывал, что это проблемы не решит. А только усугубит. Нужно время – что-нибудь придумать, потянуть резину, посоветоваться с друзьями. Он скривился и, люто ненавидя себя за минутное малодушие, процедил сквозь зубы:

– Хорошо, я подумаю.

– Неужели? – Брови чиновника от удивления полезли вверх. – Это что-то новенькое в нашей практике, Алексей Дмитриевич. Намечается прогресс? Ну хорошо, вы подумайте, подумайте, вас никто не гонит. Пары часов на размышление вам хватит?

Он скабрёзно подмигнул и, не вынимая рук из карманов, зашагал к машине. Леха исподлобья глядел ему вслед. Эх, лопатой бы по черепу. И «Абакумычем» по хребтине...

Он пустил Вампира в галоп, нещадно третируя его бока, как снова показалась машина – подержанный японский универсал с высокой колесной базой. Слава Создателю, это были желанные посетители! Из машины высадились Дмитрий Иванович и Анна Владимировна Корчагины, радостно замахали и побежали к сыну. Оба были одеты как-то подозрительно прилично, оба улыбались. Анна Владимировна, севшая на пару диет одновременно, выглядела посвежевшей, успешно молодилась, сделала новую причёску. Дмитрий Иванович смотрелся импозантно, хотя следы перенесенного инсульта на лице присутствовали. Мышцы левой поло-

вины практически не работали. В глаза это не бросалось, пока он не начинал улыбаться. Когда же это делал, правая половина кардинально менялась, а левая оставалась неподвижной. Для тех, кто был не в курсе, это выглядело жутковато. В такие минуты смотреть на Дмитрия Ивановича позволялось только сбоку.

Родители куда-то собрались. Проживали они в поселке Айтау в пяти километрах от Арга-баша, в самых предгорьях. Когда отец удалился от дел, он построил там дом – на берегу живописного пруда. И это было просто идеально: с одной стороны, родители рядом, а с другой – нет придирчивого контроля жизни отпрыска.

– Проходите, – Алексей спешил с жеребца, терпеливо дождался, пока мама его обцелует, пожал отцу руку и направился к калитке, чтобы открыть.

– Не надо, дорогой, не надо, – зачастила раздумывавшаяся Анна Владимировна. – Мы на минуточку, мы всего лишь проездом. Представляешь, Алексей, твой отец купил нам путевку в Баратынский санаторий, и вот прямо сейчас мы туда и направляемся. Нас ожидает утомительная дорога длиной целых десять километров...

– Не понял, – насупился Алексей. – Мамуль, вы не перегибаете? Что там есть такого, чего нет на вашем пруду?

– Во-первых, спа-процедуры, – начала загибать пальцы мать. – Во-вторых, там самая целебная на всем Алтае грязь. В-третьих, там лечебные ванны с последовательным переходом из холодной в горячую. В-четвертых, там есть умелец, согласный за полцены при помощи массажа убрать скопления жиров и углеводов в области шеи и еще кое-где... – Мама задумалась: что же было «в-пятых» в самом дорогом и престижном Баратынском санатории?

– Сынок, с тобой все нормально? – нахмурился отец. Он умел читать без слов, по одним лишь лицам близких и далеких ему людей. – С Лидой все в порядке?

– Нормально, отец, – отмахнулся Алексей. – Лида тут не при делах. Мелкие производственные неприятности. Очень уж хочется огреть одного типа лопатой...

– Благородное желание, – крикнул родитель, с подозрением созерцая отпрыска. Он понял, что не все так просто. – Но запомни, сынок, прежде чем огреть кого-то лопатой, ты должен притупить его внимание. И только после этого действовать.

– Я понял, отец, – засмеялся Алексей. – Именно так я и собирался поступить.

– Господи, о чем вы говорите, – ужаснулась мама. – Ладно, дорогой, мы побежали, если что, звони, через полчаса мы должны уже вселяться...

– Кто-то очень долго собирал свои восемь чемоданов, – подмигнул отец. И смерил сына испытующим взглядом. – Неприятности терпят?

– Терпят, батя, – кивнул Алексей.

– Ну, ладно. – Дмитрий Иванович вздохнул, глянул с толикой раздражения на озабоченную поездкой мать. – Надеюсь, потом расскажешь...

И вновь его отвлекали от работы! Вампир гарцевал по кругу эффектным «пассажем» – тихой рысью с выносом ног вперед и красивым их подъемом – в этот момент подъехал старенький пыльный «УАЗ» и высадил еще двоих. Алексей вздохнул – дружеским визитам не будет конца. Вовка Струве, вырядившийся в клетчатую рубашу и нервушиеся джинсы, в которых щеголял чуть не со школы, виновато улыбался. Видимо, за то, что с ним увязалась родная сестра Татьяна и ему не удалось ее сбросить с хвоста. Леха мысленно взмолился: только без бразильского сериала! Еще одна безнадежно влюбленная особа. Татьяна Струве, девятнадцать лет – плотная в кости, хотя и не толстая, завитая мелкими кудряшками, вечно какая-то бледная, с приклеенной библейской улыбкой. Красавицей Татьяна не являлась – это точно. Ни под каким углом. Но втюрилась в Алексея со всеми потрохами! Он помнил тот день пару лет назад, когда, отбарабанив армию, завалился к Вовке с «фуфырем», а ему открыла еще одна «возмужавшая» особа, едва окончившая школу. Вот в этот день и влюбилась. А когда он с корешем наклюкался до поросычьего визга и она тащила его волоком до дома, то, видимо, и решила,

что этот человек у нее в кармане. Татьяна обхаживала Леху, вертелась вокруг, украдкой вздыхала. Если намечалась вечеринка, то где-нибудь поблизости обязательно материализовывалась Татьяна. Приглашала на свидания, прихорашивалась, меняла наряды. Однажды он повелся – настроение было паршивое, посидели с ней в кафе, он вымучивал какие-то слова – Татьяна по этому случаю сделала прическу, купила кофточку, заняв у брата. Он не чувствовал к этой девушке НИЧЕГО, кроме жалости и какой-то неловкости. А она упорно старалась ему понравиться. А потом у Алексея появилась Лида. Для Татьяны это было посильнее сердечной атаки. Она осунулась, почернела, стала замкнутой. Шура Коптелый торжественно объявил, что готов взять удар на себя, и на одной из вечеринок принялся ухаживать за Татьяной. Не красавец он, конечно, этот факт не утаишь, но... И почему, скажите, пожалуйста, эта девушка постоянно такая грустная? Татьяна все поняла, покрутила пальцем у виска и после этого окончательно погрузилась в меланхоличное одиночество...

– Увязалась, я не виноват, – пробурчал Вовка, перебираясь через загородку. – Слушай, – зашептал он, делая заговорщицкую физиономию, – ко мне тут менты наведывались, намеки непристойные делали. Но вроде не били, за решетку не бросали...

– Ко мне тоже, – буркнул Алексей.

– Но я им ничего не сказал, – заявил Вовка и смело посмотрел Алексею в глаза. Он боялся, но по глазам было видно: не сказал. – На том и стоим, Леха, – нигде не были, ничего не знаем?

– На том и стоим, – подтвердил Корчагин. – Возможно, прокатит. Майор Гаркун – мужик не вредный, не думаю, что за костер из дури и трех битых он нам что-нибудь выкатит.

– Ну да, – крикнул Вовка. – Егор Тимофеевич представляет, чем законность отличается от справедливости... Ладно, будем считать, что все пучком. Процветает? – он покосился по сторонам. – Клево тут у тебя, Леха.

– Отец постарался, – пожал плечами Корчагин. – Я всего лишь продолжаю его дело. Вовка засмеялся.

– А если я продолжу отцовское дело, то придется бухать по-черному... А у нас опять проверка из налоговой, – сокрушенно вздохнул приятель. – Прозрачно намекнули: делитесь, мол, с нами, и тогда не придется сотрудничать со следствием. После обеда снова на каторгу. Ладно, выкрутимся... Дай Вампира покататься? – покосился он на присмирившего за последние недели скандалиста. – Четкий конь, люблю таких.

– Он чё, велосипед, чтобы на нем кататься? – фыркнул Алексей. – Не, Рыба, прости, Вампира не дам, он у меня тут типа докторской диссертации, портить не позволю. В конюшню топай, возьми Казбека или Муската, покатайся, но только недолго, лады?

– Лады, – вздохнул Струве и поволокся в конюшню.

Он видел краем глаза, как подходит Татьяна, и готов был провалиться сквозь землю. За что ему такое наказание по жизни? И ведь не пошлешь справедливым словом, поскольку джентльмен. Татьяна снова была в своем репертуаре – в нарядной ветровочке небесно-голубого цвета, сделала завивку, волновалась, смотрела, как святая Магдалина. В принципе, нормальная девушка, но... лучше не смотреть.

– Привет... – сказала, словно ветерок прошелестел.

– Привет, – со вздохом согласился Корчагин. Они стояли по разные стороны загородки. Татьяна протянула руку, погладила по морде Вампира. Тот не шарахнулся, терпел.

– Ты как? – спросила Татьяна.

– Нормально. А ты?

– Лучше не спрашивай, Лешенька...

О, эти страсти мексиканские... Он сделал вид, что надо срочно подтянуть ремень подпруги, пристроился на корточки под седлом. Татьяна наблюдала за ним со вселенской печалью. Вовка вывел из конюшни запряженного Муската – солового, желто-золотистого жеребца

с белой гривой и таким же хвостом. Конь безумно красивый, но такой, прости боже, бестолковый... Вовка покосился на застывшую у изгороди парочку. Хорошо, что Леха присел – ремень на подпруге перетерся и мог порваться когда угодно.

– Авария, – показал он на изношенный элемент упряжи. – Нужно срочно менять.

– Повезло, – вздохнула Татьяна. – Ладно, Лешенька, не держу. Иди, занимайся своими делами, я тут постою, подожду, пока Вовка наиграется.

Леха почувствовал, как розовеют уши. Он набросил капюшон толстовки на голову, взял Вампира под уздцы и повел вдоль периметра к конюшне, чтобы не мешать приятелю, собравшемуся эффектно взгромоздиться в седло и прикидывающему, как бы не промазать.

– Леша, стой, – сказала в спину Татьяна.

Он остановился, глянул искоса.

– Стою...

– Слушай... – Она заволновалась еще больше, сквозь бледность на мордашке стали прорываться розовые пятна. – У вас неприятности, да? Я ведь чувствую... Где вы были вчера? Вовка вернулся посреди ночи – весь горящий, расстроенный, не хотел ничего рассказывать. Утром милиция приехала – он с ними во дворе перетирал, невинное лицо делал. Меня подговорил сказать ментам, мол, всю ночь дома проспал, никуда не отлучался...

– Забей, – пробормотал Леха. – Нормально все. Выкрутимся.

И потащился к конюшне. А оттуда, сделав все дела, уже не вернулся. Выбрался через заднюю дверь, воровато поглядел по сторонам, перебежал мощный гравием пустырь и вбежал в свой дом, примыкающий к конюшённому хозяйству. А только заперся, как мелькнула тень, он и испугаться не успел, как был атакован шуплым женским созданием, издающим утробные звуки! Лида! Пробралась в дом украдкой, озорница, скинула с себя одежду, оставшись лишь в майке и полосатых «морских» трусиках, дождалась наконец! Она повисла у него на шее, схлестнула ноги за спиной в замок, обняла так, что кости затрещали!

– Ты? – изумился он, насилу сохраняя равновесие.

– Ага, – согласилась Лида. Ее глаза возбужденно горели. Она жадно целовала его – в нос, в глаза, в щеки, плотоядно урчала. – А я уж переживала, что ты не зайдешь домой, не почувствуешь, что я здесь... А то пробралась, понимаешь, как вор, жду его, разделась по погоде... Соскучилась, Лешенька, вроде недавно виделись, а как проснулась, чувствую – не могу без тебя... А ну-ка, признавайся, о чем ты там с Танькой тёр? – она шутливо ударила его кулачком по ключице. – Опять она вокруг тебя ходит, на свидание зовет, бедняжка влюбленная? Обо мне какие-нибудь гадости говорила, а ты и поверил? Смотри у меня...

– Дурочка же ты редкая... – бубнил Алексей, направляясь с «грузом» в спальню, до которой была не такая уж коломенская верста. – Ты же знаешь, что, кроме тебя, мне никто не нужен...

– Да знаю я... не слушай меня... Просто иногда мне Таньку так жаль. Она ведь верила в тебя, надеялась...

Они упали в кровать, как на облако, срывая друг с дружки одежды. Леха справился первым – там и срывать-то было нечего. Дыхание перехватило – ну принцесса, иначе и не скажешь... Она стонала от сладострастия, льнула к нему каждой клеточкой, они вылетали из всего, что их окружало... Но все закончилось, они лежали на кровати, дыша, как после марафона, держались за руки.

– Одуреть... – пробормотал Алексей. – Ты мне просто голову отрываешь...

– А ты... а ты... – Она хотела что-то вымолвить в отместку, но не нашла подходящих слов. Спросила о другом: – Что ты вчера ночью сделал со смородиной?

– Я на нее упал, – утробно вымолвил Леха.

– Я так и подумала, – засмеялась девушка. – Родители потрясены, от любимого куста ничего не осталось. Они так странно на меня смотрели все утро. Боюсь, моей версии о падении астероида они не поверили...

Он собрал своих друзей после работы. Место встречи неизменное – кабачок «Созвездие» подвального типа на улице Озерной. Здесь было уютно, пацанов все знали, обслуживали, как родных. Кормили в заведении так себе, но не такие уж они и гурманы, главное – обстановка. Леха заявился первым. Уже темнело, когда он поставил свой подержанный «RAV-4» на парковке перед двухэтажным заведением (наверху располагалось что-то вроде гостиницы), угрюмо покосился по сторонам, спустился в подвал. Он занял столик в углу, улыбнулся официантке Катюше, помахал местному вышибале Кувалде. Попивал пиво, поджидая друзей, одним глазом изучал меню, другим – обстановку. Заведение было вместительным, но уже заполнялось. Сюда стекалась местная молодежь. Практически всех он знал, а люди знали его – почтительно здоровались, никто не докучал расспросами за жизнь.

Вторым нарисовался Шура Коптелый. Оттопыренные уши он прикрыл бесформенной шапочкой, щеголял новой курткой – она хрустела, как щебенка под ногами. Увидев приятеля в углу, Шура заулыбался, плюхнулся напротив и заказал ударную дозу виски, мотивируя свой поступок выразительным кивком на сторону. Через столик сидели три девушки – работницы пансионата «Янтарь», причем ни одной из них не грозила перспектива проснуться однажды победительницей конкурса красоты.

– После виски они такие киски, – подмигнул Коптелый. – Но нужно выпить очень много, чтобы прийти к такой занимательной мысли. Впрочем, мне уже все равно, – он расстроенно вздохнул. – Согласен на любую. Черная полоса – живу как в СССР. Без секса. Кстати, ты заметил, что они посматривают только на тебя? По очереди. Знают, что не светит, а смотрят. – Коптелый заглотил полстакана янтарной жидкости и решительно изрек: – Жрать хочу.

– Могу поделиться пищей для размышлений, – сказал Алексей. – Ты знаешь, что по ходу мы в дерьме?

– Ба, – удивился Коптелый. – А как же твое немеркнувшее знание жизни и человеческой натуры? Кстати, Леха, обрати внимание, ты сам принял мудрое решение сжечь дурь, никто тебя за мозг не тянул.

– Были варианты?

– Были, – кивнул приятель. – Лично я поступил бы по-умному. Навалил бы хлыщам по первое число... что мы, собственно, и сделали, отобрал бы у них лошадей и бросил бы их в горах вместе с дурью. Пусть сами выгребают как хотят. Самое мудрое соломоново решение – поскольку, я так считаю, и хрен ты меня разубедишь, что в мире после этого дури не стало меньше. Ни на грамм. Все вернется, пацаны потери окупят, зато мы, а особенно ты, в грандиозном дерьме. И уповать нам теперь – исключительно на ментуру, а это, сам понимаешь, запахло, а во-вторых, смешно. Я нормально выразился?

– Ты точно знаешь, что несъедобное съедобно? – поинтересовался Вовка Струве, возникшая у Коптелого за спиной в тот момент, когда тот перепиливал тупым ножом твердокаменный говяжий стейк.

– Ой, Рыба, садись уж, – отмахнулся Коптелый.

– Леха, прости, что так вышло, – бросил Вовка, падая на стул. – Ну, с Танькой, я имею в виду. Втрескалась в тебя, зараза, никакие антибиотики эту хворь не выводят...

– Я – пас, – старательно трудясь ножом, сказал Коптелый. – Эту хохму с Танькой мы уже проходили. Могу, кстати, познакомить ее с одним скромным амбалом – живет в Айтау через дорогу от Лехиных предков. Второй разряд по боксу, дырка в черепе, инвалидность, проблемы со слухом, с восприятием реальности, а так – отличный парень. Ну, когда не пьет...

Антон Вертковский прибежал последним – семейный человек, практически «невыездной». Ему всякий раз приходилось напрягать фантазию, когда нужно было вырваться из дома. Рухнул, тяжело дыша, на свободный стул, махнул официантке. Эффектный парень – девушки из пансионата «Янтарь» перестали пялиться на Леху и переключились на Антона. Одна облизнулась, другая затеребила пуговку на декольте, третья схватила за бокал с вином.

– Какая гламурная у вас тусовка, – похвалил Антон, причесываясь пятерней. – Предлагаю опустить смакование темы, что мы в глубоком дерьме. Ко мне сегодня приходили менты и настойчиво интересовались, как я провел последнюю ночь. Люсьен им заявила твердо – всю ночь я провел в кровати, прикованный к ней наручниками. А когда они ушли, отходила меня скалкой. Менты не в теме, им по барабану, я правильно понимаю ситуацию?

– Имеется мысль, что уничтоженной дурью заведовал Рудницкий, – поделился «приятной» новостью Леха. – Чинуша из районной администрации, тот самый, что до меня к Лидуньке подкатывал. Но это только мысль, доказательств нет.

– И пока мы их соберем, нас уделают начисто, – крикнул Коптелый. – Эх, пацаны, чувствую, что влипли мы на должок до гробовой доски. Может, швыркнем по этому поводу?

– Да подожди ты, – осадил его Алексей. – Выпить и пожрать всегда успеем. Кончайте юзить, пацаны. Проблему решать будем или ну ее в баню?

– А есть идеи? – насторожился Вовка. – Если по существу, Леха, то давай, а если просто рогами позвенеть – то ну ее в баню, лучше выпить, закусить, оттопыриться, пока заботы не окрутили.

Соображения у Лехи имелись. Он водил нормальные отношения с автомобильным «королем» из Барнаула, которому подобрал в прошлом месяце прекрасного арабского скакуна. Данной личности было по силам вырвать звено из цепи наркотического трафика – во всяком случае, пригрозить в обмен на непричинение ущерба некоторым заинтересованным персонам. Но действовать надо было быстро, уже грядущей ночью. Требовались ясный ум и большой коллективный разум. Но все испортил глупый случай – в лице официанта, подлетевшего к столику с испуганной физиономией.

– Леха, там какой-то шибздик машину твою портит... – зашептал он, вторгаясь в частное пространство друзей. – Ей-богу, Петька курить выходил, своими глазами видел... Колеса протыкал, бампер свинчивал...

Бред какой-то. Невозможно в тех местах, где его все знают! Глаза у Лехи округлились, он вскочил из-за стола и побежал к выходу. Друзья переглянулись, кинулись за ним. Посетители заведения провожали их недоуменными взглядами. Он выбежал на парковку – а ведь и правда! В окрестностях «Созвездия» царил тьма. Разительный контраст – в заведении полно людей, шум, гам, общение по интересам (все чинно, без разборок), а снаружи – никого. За деревьями улица, там изредка проезжают машины, место для парковки освещает одинокий фонарь. У машины возилась какая-то шмакодявка. Дыхание перехватило – ах ты, шкварка гребаная! Он помчался молча, не топая, чтобы не дать тому времени убратся – пересек олимпийскими прыжками пустое пространство, влетел на парковку! Злоумышленник сидел на корточках под колесом, со свистом выкачивая воздух из покрышки. Задержался, почуяв, что уже не один, завертел головой. Леха налетел, как тропический шторм, носком ботинка – в торец, а когда тот отлетел, ударившись о правую дверцу, сцапал его за грудки, держа перед собой. Сработал фактор внезапности, коротышка визжал, плевался кровью. Кто такой? Рожа неприятная, как у депутата, словно топором рубили с похмелья. Явно алтаец – представитель одной из «обрусевших» народностей. Он швырнул злоумышленника на асфальт – в тот момент, когда подбежали друзья. По логике вещей после такого удара тот должен был лежать, но он подскочил, словно весь был собран из мелких пружинок, и пустился вскачь в темноту!

– Лови его!!! – заверещал Коптелый, срываясь с высокого старта, – и ведь догнал! Рухнул ничком, выбрасывая длинные конечности, сцапал коротышку, и оба покатались, вопя во все

глотки. Момент – и Шура пинком спровадил шибздика обратно, тот прочертил дугу в пространстве, наполненном ароматами сирени, и с воплем: «Пацаны, не мочите, я не виноват, меня заставили!!!» – сбил с ног расслабившегося Вовку Струве. Тот расвирепел, схватил поганца за шиворот, наградил серией оплеух хорошо поставленной левой и обиженно закричал:

– Коптелый, блин, ты хоть смотри, куда кидаешь!

– Закон тяготения! – заржал Коптелый, вываливаясь из темноты.

– Да мне плевать, куда вы там тяготеете! – орал Вовка, подпрыгивая вместе с орущим шибздиком. – Он мне ногу оттоптал! – и швырнул проходимца, словно волейбольный мяч, скучающему Антону.

Тот принял подачу, захохотал сатанинским смехом и принялся выбивать из хулигана дурь. И ведь почувствовал Леха одним местом, что это только начало, завлекалово, так сказать, то ли еще будет! Он метнулся к правой дверце своей машины, распахнул ее, выхватил из-под сиденья беспощадный и brutальный гаечный ключ! И в тот же миг вздулась, напряглась темнота, опоясывающая парковку, словно гной прорвался сквозь созревший чирей – и полезла всякая нечисть! На четверых друзей неслась толпа – молчаливая, страшная! Рыл восемь, не меньше! Спереди, сзади! Молодые парни – широкоформатные, с упитанными «шайбами», явно не местные. Видимо, ждали за углом да по кустам удобного момента, но никак не ожидали, что Леха будет не один, а с друзьями! Как хорошо, что под боком есть друзья! Воцарилось что-то несусветное, жуткое. Заорали все – и нападающие, и те, кто подвергся атаке. Хрипел Антон – не разбежаться, спина к спине! Ну-ка, дети, встаньте в круг! Отчаяние и мысль о том, что их раздавят, удесятерили силы. Выжить – любой ценой!

– Мочи ублюдков!!! – взревел Коптелый – и понеслось!

Дрались всеми конечностями, головами – яростно, напористо. Леха выбежал из круга – если будет так махать гаечным ключом, то и своим достанется! Он крутил увесистой штуковиной с длинной рукояткой, рычал что-то непереводимое. В полумраке мелькали сосредоточенные рожи неприятельского войска – небритые, с воспаленными глазами, пыхтящие перегаром. Такие деловые, словно верхом на драконе летят! Двое шархнулись, когда он завертел ключом, словно булавой. Третий не успел, перепало по скуле, треснула кожа, шрам на всю жизнь! Не беда, шрамы уродуют лицо, но украшают рожи! Противник отвалил куда-то в сторону, усердно тренируя голосовые связки, а Леха, входя в иступление, двинулся вперед, чтобы прорвать кольцо блокады. Легкая отмашка – и соперник корчится в агонии. Рассекающие движения влево, вправо – огрел кого-то по хребтине. Тоже оказался легкоранимый человек – завопил горластой выпью, принялся кататься по земле. Леха впал в безумство, в какой-то бесконтрольный раж – и в один момент обнаружил, что вокруг никого нет, разделался со всеми «своими». Какие-то тела ползали по земле, пытались приподняться. С победным воплем он кинулся на помощь друзьям – а тем его поддержки в эту трудную минуту так не хватало! Антон колотил пудовыми кулаками бритоголового хмыря и не видел, как сзади подкрадывается еще один, обнажается «сажало», поблескивают грани в свете фонаря. Вовка Струве разделался с обидчиком – тот сидел, привалившись к машине, держался за голову, раскачивался, как китайский болван. Он вложил в это дело всю душу, а на второго соперника сил уже не осталось – отступал, прикрываясь от ударов, кровь сочилась с губ. Шура Коптелый мочился с кем-то на равных, оба матерились, как в казарме, отвешивали зычные затрещины. Леха налетел, как дракон – перерубил предплечье, и «сажало» со звоном запрыгало по асфальту. Добил кулаком, послав в глухой нокаут, а нож пинком отправил под ближайшую машину. Навалился на соперника Вовки – «разводилом» по печени, обеспечив яркие впечатления... Взревели всей ватагой, кинулись добивать уцелевших! Впрочем, до греха не довели, остановились в самый острый момент, переглянулись как-то диковато и громогласно завопили: «А теперь мочи их, пацаны! Всех отправить в земельный отдел!» И столько ярости было в этих воплях, что всполошилось побитое войско – сейчас на полном серьезе убивать будут! Кто-то уползал, кто-то брел на своих

двоих, хватаясь за воздух, оставляя на асфальте кровавые дорожки. Кто-то волочил перебитую ногу. Испуская мучительные стоны, матерясь сквозь выбитые зубы, разгромленная, униженная рать проваливалась в темноту. Тащился последний, держась за отбитый бок – его вело на сторону, ноги не слушались.

– Смотри-ка, налево ходит! – истерично хохотал Коптелый, нянча потянутую ключицу.

– Левый двигатель отказал! – вторил ему Вовка Струве, утирая кровавые сопли, льющиеся рекой.

– А почему мы не спросили у пацанов, на кого они ищат? – запоздало сообразил Антон.

– Да ладно, – отмахнулся Алексей. – И так понятно.

Возбудились победители – дальше некуда. И выпить толком не успели, а уже такая карусель... У нескольких машин орала сигнализация. Посетители заведения высыпали на улицу, подбегали, спрашивали, что случилось. Воцарилась суeta. Кто-то, видимо, позвонил в милицию.

– Блин, «раковая шейка» приехала, – проворчал Антон, наблюдая, как патрульный «УАЗ» с включенной «цветомузыкой» поворачивает с улицы и подкатывает к заведению.

Все обошлось, патрульные были из местных, грубить не собирались. В этом городке все друг друга знали, а Корчагин и его команда пользовались авторитетом не только среди гражданского населения. Впрочем, разбираться пришлось, кровь на асфальте не очень-то свидетельствовала в пользу версии о недоразумении. Старший наряда порывался составить протокол, задавал глупые вопросы. Гудела толпа – целая куча «свидетелей», которые ни черта не видели, но горой стояли за своих.

– Сержант, леща не дави, – недовольно ворчал Леха. – Зуб даю, мы не в курсах, что за шобла нас атаковала. Люди беспредельные – не знаем мы таких. На гастролях в другом городе. Сержант, чем фигней страдать, прокатились бы лучше по кровавым дорожкам – не могли они далеко уйти, кого-нибудь да отловите...

Милиция убралась – искать эти парни никого не собирались. Сажать в обезьянник «нормальных пацанов» тоже постеснялись. Старший наряда посочувствовал, осмотрев с фонарем проколотые колеса – мол, прими соболезнования, Корчагин, надеюсь, бес тебя не попутает тащиться в ментуру и писать заявление? Менты как менты – еще не худший, кстати, вариант. Кто-то улюлюкал им вслед, кто-то разорялся обидными словами. Посетители заведения, получив небольшой заряд, повалили обратно в подвал. Кураж продолжался. Раз уж потянуло на подвиги... ну как теперь остановиться?

– Гуляем дальше, девочки? – хохотал нездорово возбуждившийся Коптелый. – Пошли допивать?

Даже Алексей, все еще обтекающий адреналином, позабыл, что место и время выбраны не самые удачные. Азарт и возбуждение пьянили, действительно хотелось продолжения банкета! А дела... да подождут дела, не убегут! Увлекло приподнятое настроение, потащило в кабак.

– Балдеем по-черному, мужики, раскрепощаемся! – смеялся Антон Вертковский. – Эй, халдей, врубай свой ящик с кипишем! Катюха, тащи все, что есть – водку, самогон, какие там еще есть блюда в русской кухне?

Гремела музыка, народ пустился в пляс. И за дальним столиком царило веселье. Официантка Катюша доставила полный поднос, ее коллеги волокли бутылки, разливали по бокалам.

– Виски, ром, беленькая... – хватался за голову Коптелый, у него разбегались глаза. – Парни, все хочу, ну хоть разорвись...

Выпили по первой, соединив бокалы, ахнули по второй. Аппетит проснулся зверский – рвали зубами жесткое мясо, давились какими-то салатами.

– Ну ладно, приду домой пьяным, – чавкал, пьянея на глазах, Антон Вертковский. – Это бывает. Но вот за то, что приду сытым, Люсьен меня пришибет!

Кураж не кончался. С пьяными криками, перебивая друг друга, вспоминали, как сделали восьмерых, не считая коротышку-алтайца, отмечали ошибки в построении обороны, сошлись во мнении, что, кабы не Леха со своим разводным ключом, всему коллективу пришлось бы туго. Коптелый уверял, что пробитые колеса – это фигня, завтра приедут пацаны из его мастерской, сделают лучше, чем было. Вовка хохотал, что за ночь с многострадального джипа, если оставить его у «Созвездия», снимут не только колеса, но отдерут сиденья, вырвут двигатель и распилят кузов. Несколько раз Алексея выносило на танцпол – уже и не помнил, кто его волок и с кем он там прыгал. А возвращаясь, едва не свернул столик со всеми, кто там сидел. И как-то «проездом» отметил, что перебрал. Это было странно. Количество выпитого не соответствовало переживаемому состоянию. Пить Корчагин умел, выпивал и больше – безо всяких последствий. А сейчас его конкретно развозило. Словно подмешали что-то в пойло. Голова кружилась, пол шатался, во рту царила затхлая помойка. С трудом, пошатываясь, он добрел до столика. В ушах фонило, мир куда-то плыл. Антон Вертковский глуповато улыбался, его шатало даже за столом. Глаза разбегались, он никак не мог собрать их в кучку. На коленях у пьяного в стельку Коптелого сидели две страшненькие девицы из пансионата «Янтарь», обе дружно хохотали, а Шура выкрикивал какую-то фигню про «порнушку с караоке». Третья девица сидела на коленях у Вовки Струве, он изумленно ее ощупывал, наводил резкость, словно не мог сообразить, сколько их тут – одна, две или вообще ни одной. Алексей промахнулся мимо стула, сверзился на пол, и это вызвало дикий хохот – и у Лехи в том числе. «Стул дырявый», – пробормотал Антон, фальшиво спел про «кончен бал, и ты упал лицом в салат, а за окном привычно вянет листопад» – треснулся лбом о дубовую столешницу и захрапел. Завертелся ресторан разнузданной каруселью. Вертелись «культурно отдыхающие», громыхающий танцпол, барная стойка с прилипшими к ней любителями горячительных напитков. В какой-то момент возникла Татьяна Струве – поди пойми, чего ее сюда принесло (возможно, кто-то позвонил, сообщив, что брат перебрал). Она с ужасом смотрела на блаженно хихикающего Алексея – она еще никогда его таким не видела! «Самое время усестся мне на колени, – мелькнула глупая мыслишка. – И все колени тогда будут заняты...» Но Татьяне такая дичь в голову не пришла, она пыталась спихнуть со своего брата некрасивую девицу. Но та уже набралась, стала сопротивляться. Гоготал Вовка, хрюкал Коптелый, получивший уникальную возможность реализовать свою сокровенную мечту о сексе. Похрапывал Антон. А голова кружилась все сильнее и сильнее. Окружающие люди становились карикатурными, ресторан улетал к звездам... Вовка Струве потянулся к бутылке под одобрителное похрюкивание Коптелого, разлил по бокалам. Но не успел он вылакать свою дозу, как бокал отобрала Татьяна. Ее лицо было полно решимости – она запрокинула голову и залпом выпила! Дескать, пусть мне будет хуже, чем родному брату.

– Браво, Танька! – засмеялся Шура. – Так его, бери огонь на себя!

Озадаченный Вовка снова разлил. И опять она увела бокал, выпила, стукнула доньшком – будете знать! Вовка тупо таранился на пустую емкость, что-то обиженно лопотал. «А мне почему не налили?» – хотел спросить Алексей, потянулся к бутылке – и угодил в искрящийся водоворот! Его засасывало в пучину, все вертелось, он пытался опереться о стол, но куда-то проваливался. Последнее, что он видел – перепуганные глаза Татьяны, да еще Шура нес какую-то ахинею – после чего он просто стек со стула и рухнул без задних ног...

Пробуждение было страшнее гориллы с огнеметом. Под ним скрипела кровать, переваливался с бока на бок рыхлый матрас. Голова трещала так, что хотелось без промедления повеситься. Во рту горела жгучим пламенем огненная Сахара. Он застонал, сел на кровати, сжал виски со всей силы. Почему он так выехал? С чего?! Паленое пойло? Но весь ресторан это пойло пил, никто не жаловался. Паленое – «исключительно для вашего столика»? Приказали подсыпать яд в алкоголь, а обслуживающий персонал не нашел причины отказать? Никогда

еще Алексею Корчагину не было так плохо. Он буквально умирал от терзающего его похмелья. Оторвал ладони от висков, обозрел из-под прищуренных век все, что оказалось в зоне видимости. Комната. Обои, мебель – явно не домашняя. Его одежда, разбросанная по полу, а сам он на кровати – в одних трусах и в носке на правой ноге. На часах одиннадцать утра. Вот так поспал... Он насилу поднялся, схватившись за спинку стула, доковылял до окна, раздвинул штору. Тупо уставился на собственный джип со спущенными колесами. Он стоял посреди пустой парковки. С него еще и номер открутили... Чахлые кусты, зеленеющие тополя, выезд на улицу Озерная... Он находился в одном из номеров ободранной гостиницы, разместившейся над рестораном «Созвездие». Откуда он здесь? Он не помнил, чем закончился вечер. Пустое место в памяти, жирный пробел. Ладно, бывает, назовем это приступом маразма...

Он оторвался от окна и поплелся обратно к кровати. Ноги не держали, подламывались, как сухие хворостины. На кровати он был не один – кто-то лежал, укрывшись с головой одеялом! Леха поморгал, помотал головой – отчего она чуть не взорвалась! Он попытался сосредоточиться, родить одну-единственную мысль. Бесполезно, не выходило. Голос разума нес какую-то белиберду. Проблемы со связью. Откуда здесь Лида? В пьяной компании ее вчера не было. Пришла под занавес – морально поддержать перебравшего любимого? Ну и дела. Да уж, вчера он был сам на себя не похож... Он забрался на кровать, потряс скорчившееся под одеялом тело. Оно завозилося, застонало, потом вдруг резко вздрогнуло. Откинулось одеяло, женщина, лежащая на кровати, судорожно повернулась, и на Леху уставились объятые ужасом глаза Татьяны Струве...

Он так и сел. Татьяна была в чем мать родила. Лицо измятое, опухшее, волосы всклокочены, торчали в разные стороны. Она с неопишимым, каким-то первородным страхом смотрела на ошолобленного Корчагина. Потом взглянула на себя, сдавленно ойкнула, схватилась за одеяло и натянула на подбородок. Ее зубы выбивали барабанную дробь. Судя по всему, Татьяна переживала аналогичное похмелье.

– Ты что здесь делаешь? – прохрипели оба одновременно. И после пронзительной, насыщенной драматизмом паузы, добавили: – Как мы здесь оказались?

Леха лихорадочно тер виски. Он надеялся, что все образуется, вернется на круги своя. Женщина пропадет, а вместе с ней и чувство ошеломительной паники. Она следила за ним распахнутыми глазами, придерживая одеяло.

– Н-не может быть... – спотыкаясь, просипел он. – Т-танюха, ты что, охренела? Я не мог тебя сюда притащить... мы не могли... у меня же Лида...

– Лешенька, родной, я не помню... – глаза девушки стали наполняться слезами. – Честное-пречестное, не помню... Но я тоже не могла, я же не такая сволочь... Я волновалась за вас – за тебя, за Вовку... Он сказал перед уходом, что вы встречаетесь в «Созвездии»... А потом позвонила Маринка – она вчера была в «Созвездии» со своим хахалем, сказала, что у вас тут разборки, драка, приезжала милиция... Я очень волновалась, прибежала в ресторан, пыталась вас вразумить, выпила несколько бокалов, чтобы Вовке меньше досталось – я никогда еще такими пьяными вас не видела... Потом я просто отключилась... я вообще ничего не помню, Лешенька...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.